

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 32(091)(410)

ББК 66.1(0)

С71

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *М. Тимофеевой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Спенсер, Герберт.

С71 Личность и государство / Герберт Спенсер ; [перевод с английского М. Тимофеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-151635-2

Герберт Спенсер (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма в Англии, приверженец эволюционной теории в философии и социологии, идеолог социал-дарвинизма.

Кроме того, Спенсер обладал несомненным писательским талантом. Им восхищались Джек Лондон, Марк Твен и Теодор Драйзер.

В книге «Личность и государство», впервые изданной в 1884 году, автор излагает свои взгляды на взаимоотношения человека и государства на примере ситуации, сложившейся в современной ему Англии.

Взгляд Спенсера на происходящие изменения в его стране во второй половине XIX века был крайне критическим, можно сказать, что он видел вырождение классического либерализма, и возникновение того, что в XX веке будет названо «социальным либерализмом».

УДК 32(091)(410)

ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-17-151635-2

© ООО «Издательство АСТ», 2025

I

НОВЫЙ ТОРИЗМ

Большинство тех, которые считаются теперь либералами, — это тори нового типа. Вот парадокс, который я хочу оправдать. Чтобы доказать это, я должен сначала представить, чем были обе эти политические партии вначале, а затем я попрошу читателя извинить меня, если напомним ему уже знакомые факты, так как я иначе не могу хорошо объяснить, в чем состоит самая суть истинного торизма и истинного либерализма.

Если мы вернемся к эпохе, предшествовавшей возникновению этих названий, то мы увидим, что обе политические партии представляли собой два противоположных типа социальной организации: тип воинствующий и тип промышленный. Первый нашел себе выражение в государственном режиме, общем почти для всех стран в древние времена; второй — в режиме соглашения, контракта, распространившемся в наше время, главным образом, среди западных наций и, в особенности, в Англии и Америке. Если мы употребим слово

«кооперация» не в тесном, а в более обширном смысле, в смысле соединенных усилий всех граждан при какой бы то ни было системе управления, то режимы эти можно будет определить так: один — это система насильственной кооперации, а другой — система кооперации добровольной. Типичный строй первой системы мы видим в регулярной армии, все единицы которой в разных чинах должны выполнять приказания под страхом смертной казни и получают пищу, одежду и плату по произвольному распределению; типичный строй второй системы представлен армией производителей и потребителей, которые входят между собой в соглашение и за определенную плату оказывают определенные услуги и которые, по желанию и по предварительному заявлению, могут вовсе выйти из организации, если она им не нравится. В течение социальной эволюции Англии различие этих двух неизбежно противоположных форм кооперации выступало постепенно; но гораздо раньше того, как названия «тори» и «виги» вошли в употребление, можно было уже констатировать наличие этих двух партий и заметить до известной степени их отношение к милитаризму и к индустриализму. Известно, что в Англии, как и в других странах принудительной регламентации, характеризующей кооперацию при правительственном (государственном) режиме, сопротивление оказывалось

обыкновенно населением городов, состоявшим из ремесленников и купцов, привыкших к кооперативной работе при режиме соглашения, тогда как кооперация при государственном режиме, обязанная своим происхождением и устройством постоянным войнам, удержалась в сельских местностях, где жили прежде военачальники и их подчиненные, у которых сохранялись старые идеи и традиции. Более того: этот контраст в политических тенденциях, проявившийся раньше, чем ясно определилось различие между принципами вигов и ториев, продолжал выступать и впоследствии. В эпоху Революции, «в то время как села и маленькие города находились в руках ториев, большие города, промышленные области и торговые порты служили крепостями для вигов». Доказывать, что, за немногими исключениями, положение это существует и поныне, — излишне.

Таков был, сообразно с их происхождением, характер обеих партий. Посмотрим теперь, как этот характер проявлялся в их первых действиях. Вигизм начался сопротивлением Карлу II и его клеветам, старавшимся восстановить неограниченную монархическую власть. Виги «рассматривали монархию как гражданское учреждение, установленное нацией для блага всех ее членов», тогда как для ториев «монарх был посланником Неба». Одна из этих доктрин заключала в себе убеждение, что подчинение королю

было условно, другая — что оно абсолютно. Говоря о виге и тории, какими их представляли себе в конце XVII в., т.е. лет за пятьдесят до выхода в свет «Рассуждения о партиях», Болинброк говорит: «Наследственное, священное, неотъемлемое право, преемственность его в прямом колене, пассивное повиновение, непротивление, рабство и иногда также папизм — вот понятия, которые во многих умах соединялись с представлением о тории и которые считались несовместимыми с представлением о виге».

Если мы сравним эти описания, то увидим, что в одной партии преобладало стремление противодействовать принудительной власти короля над подданными и уменьшить ее, а в другой — желание удержать или даже увеличить эту принудительную власть. Это различие в стремлениях, различие, превосходящее по своей важности все политические различия, обнаруживается тотчас же в действиях обеих партий. Принципы вигов выразились в *habeas corpus* акте и в мероприятии, ставившем судей в независимое от короны положение, в отвержении билля, требовавшего, чтобы законодатели и административные служащие связывали себя присягой ни в каком случае не сопротивляться королю оружием; эти же принципы впоследствии выразились в билле, имевшем целью оградить подданных от враждебных действий монархической власти. Все

эти акты имели по существу одинаковое значение: они ослабляли принцип обязательной кооперации в общественной жизни и укрепляли принцип добровольной кооперации. Замечание Грина по поводу периода, в течение которого виги находились у власти, после смерти Анны, показывает, что политика этой партии имела то же общее направление, как и в предшествующую эпоху: «Прежде чем протекло пятидесятилетие их власти, англичане уже забыли, что возможно было преследовать людей за религиозные убеждения, отменить свободу печати, вмешиваться в применение правосудия или управлять без парламента».

А теперь, оставив в стороне период войны в конце XVIII и начале XIX в., в течение которого личная свобода потеряла большую долю завоеванной области и когда ретроградное движение к социальному типу милитаризма проявилось в различного рода принудительных мерах, начиная с тех, которые насильственно овладевали людьми и собственностью граждан и пытались обуздать печать, — припомним общий характер всех изменений, произведенных вигами или либералами, когда восстановление мира дало возможность воскресить промышленный режим со свойственным ему строем. Под возрастающим влиянием вигов законы, запрещавшие ассоциации рабочих, были отменены так же, как и законы, ограничивавшие

свободу их перехода с места на место. Упомянем также и закон, по которому диссиденты могли верить во что хотели, не подвергаясь гражданским наказаниям, и закон, позволявший католикам исповедовать свою веру, не теряя известной доли своей свободы. Область свободы расширилась благодаря актам, запрещавшим покупать негров и держать их в рабстве. Монополия Ост-Индской Компании была уничтожена, а торговля с Востоком объявлена свободной для всех. Благодаря Биллю реформы и Биллю муниципальной реформы число граждан, не имеющих представителей, было уменьшено, так что как с общей, так и с местной точки зрения масса менее страдала от подчинения церковной форме брака, получили возможность жениться по чисто гражданскому церемониалу. Позднее явились уменьшение и отмена ограничений при покупке иностранных товаров и при пользовании иностранными судами и моряками, а еще позднее отмена стеснительных для прессы постановлений, изданных прежде всего для того, чтобы помешать распространению мнений. Нет никакого сомнения, что все эти изменения, были ли они сделаны либералами или нет, совершены были сообразно с провозглашаемыми ими принципами.

Но зачем перечислять давно известные всем факты? Единственно затем, что, как мы уже сказали, необходимо напомнить читателю, чем был

либерализм в былые времена, дабы он видел, насколько он разнится от так называемого либерализма нашего времени. Мы считали бы излишним перечислять одну за другой все эти различные мероприятия для того, чтобы показать их общий характер, если бы они в наше время уже не были забыты. Мы забыли, что так или иначе все эти истинно *либеральные* перемены уменьшили обязательную кооперацию в социальной жизни и увеличили добровольную. Мы забыли, что в том или другом смысле они уменьшили область правительственной власти и увеличили поле действия, где каждый гражданин может свободно действовать. Мы потеряли из виду ту истину, что либерализм обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства.

И теперь мы должны спросить себя: каким образом либералы потеряли из виду эту истину? Как могло случиться, что либеральная партия, приобретая все большую и большую долю власти, делалась все более и более принудительной в своих законодательных мерах? Как случилось, что, опираясь на свое собственное большинство или же косвенно путем содействия, оказываемого ею в некоторых случаях большинству партии своих противников, либеральная партия в широких размерах присвоила себе право руководить действиями граждан и, следовательно, уменьшать область, в которой эти действия были

свободны? Каким образом объяснить это смешение понятий, которое заставило партию в стремлении к тому, что кажется общественным благом, отбросить метод, который в былые времена помогал ей служить этому общественному благу.

Хотя на первый взгляд и кажется, будто невозможно объяснить себе эту бессознательную политическую перемену, мы найдем, однако, что она произошла совершенно естественно. Принимая во внимание конкретную мысль, которая обыкновенно преобладает в политических вопросах, и настоящие условия, нельзя было и ожидать ничего другого. Чтобы доказать справедливость этого мнения, необходимо войти в некоторые предварительные объяснения.

Начиная с низших животных до самых высших, умственные способности прогрессируют путем дифференциации, и таким же образом прогрессируют они и у человека, начиная от круглых невежд до ученых. Точно классифицировать, поместить в одну группу существенно однородные вещи, а в другие группы вещи существенно различные — вот основное условие для правильного управления действиями. Начиная с общего зрительного впечатления, предупреждающего нас о прохождении вблизи большого темного тела (точно так же, как мы закрытыми глазами, обратясь к окну, видим тень руки перед нами и, следовательно, узнаем, что какое-то тело движется

между окном и нами), мы мало-помалу достигаем такого развития зрения, которое путем тонкой оценки соединения форм, цветов и движений дает возможность узнавать в появляющихся вдали предметах добычу или опасность и приспособлять наш образ действий к тому, чтобы завоевать себе пищу или избежать смерти. Это прогрессивное понимание различий и получающиеся вследствие того более точные распределения по отделам и составляют развитие ума в главных его проявлениях и наблюдаются также и тогда, когда от восприятия простым физическим зрением мы переходим к сравнительно более сложному восприятию умственным зрением, позволяющим нам группировать более верным и более соответствующим их строению и их природе образом предметы, которые мы раньше группировали по некоторым внешним чертам сходства и по чисто внешним условиям. Незрелое умственное зрение различает так же плохо и ошибается в своей группировке так же, как и «незрелое» физическое зрение. Приведем в пример прежнюю классификацию растений на деревья, кустарники и травы, где самая выдающаяся их черта — величина — составляет основу различия, и группы формируются таким образом, что соединяют в себе много растений совершенно разнородных и разъединяют другие, принадлежащие к одному семейству. Или возьмем еще лучший пример: а

именно народную классификацию, соединяющую под одним общим названием рыб и раковины (fish и shell fish) и причисляющую к раковинам черепокожих и моллюсков; она идет даже еще дальше, причисляя к рыбам китообразных животных. Таким образом, вследствие ли сходства в образе жизни, как обитателей вод, вследствие ли чего-либо общего во вкусе их мяса, народ соединил в один отдел и один подотдел существа менее сходные по своей природе, чем рыба и птица.

Подтверждаемая этими примерами общая истина проявляется также и в высших сферах умственного зрения относительно предметов, недоступных чувствам, каковы политические учреждения и мероприятия; ибо и в этих вопросах продукты несовершенной умственной способности или несовершенного умственного развития, или того и другого вместе, представляют собой ошибочную группировку, ведущую к ошибочным выводам. И даже в этой области шансы заблуждения гораздо более многочисленны, так как предметы, принадлежащие к интеллектуальной области, не могут быть рассматриваемы так же легко. Вы не можете ни осязать, ни видеть политическое учреждение; вы можете познать его только усилием своего творческого воображения. Точно так же вы не можете уловить физическим чувством политическую меру: они также требуют умственной работы, соединяющей составные части

в одну идею и приводящей нас к пониманию сущности этого соединения. Значит, здесь, еще более чем в вышеупомянутых случаях, несовершенство умственного зрения проявляется в группировке явлений по внешним чертам и внешним условиям. Доказательство того, что эта причина производит ошибки в классификации учреждений, мы видим в общераспространенном мнении, что Римская республика была демократической формой правления. Рассмотрите поближе идеи прежних французских революционеров, и вы увидите, что они брали себе в пример политические акты и формы римлян, и можно было бы даже назвать имя того историка, который ставит в пример испорченность римских нравов, чтобы показать, к чему приводит демократическое правление. А между тем между римскими и истинно свободными учреждениями существует не менее разницы, чем между акулой и морской свиньей, так как эти учреждения, несмотря на одинаковую внешнюю форму, представляют совершенно различный внутренний строй. Общество, в котором относительно небольшое число людей, имевших в своих руках политическую власть и пользовавшихся известной свободой, были все сплошь маленькими деспотами, которые держали не только своих рабов и подчиненных, но даже своих детей в таком же полном рабстве, как и свой скот, такое обще-

ство может считаться скорее подвластным обыкновенному деспотизму, чем собранием граждан, обладающих равными политическими правами.

Если мы перейдем теперь к нашему специальному вопросу, то мы в состоянии будем заметить то смешение понятий, в котором запутался либерализм, и выяснить источник тех ошибочных группировок политических мер, приведших к его ошибкам, — группировок, сделанных, как мы увидим ниже, сообразно с выступающими внешними признаками, а не внутренними свойствами явлений. Какова была в глазах народа и в глазах либералов, произведших реформы в былые времена, цель этих реформ? Эти реформы должны были устранить причины неудовольствия народа или лишь части народа: таков был общий их характер, запечатлевшийся в уме людей. Они должны были смягчить зло, от которого прямо или косвенно страдали целые классы населения, уменьшить причины нищеты и разрушить преграды к счастью. И так как в уме большинства людей устраненное зло равняется совершенному благу, на эти меры стали смотреть как на положительные благодеяния, а либеральные государственные люди и либеральные избиратели стали считать благосостояние масс целью либерализма. Отсюда и произошло смешение понятий. Так как внешней выдающейся чертой всех либеральных мер древнего времени было приобретение

какого-либо блага для народа (а благо это состояло, главным образом, в уменьшении стеснения), то и случилось так, что либералы увидели в народном благе не цель, которой следовало достигать косвенным образом, путем уменьшения стеснения, но цель, которой следует достигать непосредственно. А стараясь достигнуть ее непосредственно, они стали пользоваться методами, по существу своему противоположными тем, которые употреблялись прежде.

Теперь, когда мы увидели, каким образом произошло это изменение в политике (исключение частичное, так как недавние законы о погребениях и усилия, сделанные для уничтожения всех еще существующих религиозных неравенств, показывают, что прежняя политика еще продолжается в некоторых направлениях), рассмотрим, до чего дошло это изменение в последнее время и до чего оно дойдет еще в будущем при продолжающемся преобладании современных идей и чувств.

Прежде чем идти дальше, нелишним будет, может быть, заявить, что мы не имеем намерения порицать мотивы, вызвавшие постепенно известные ограничения или известные меры. Мотивы эти, без сомнения, в большинстве случаев были похвальны. Мы должны допустить, что ограничения, внесенные законом 1870 г. в обычай пользоваться трудом женщин и детей